

ВЕСТНИК МУРМАНА

№ 17
1923

3. Как выросло село Ловозеро.

В девяностых годах прошлого столетия ныне богатое и людное оленеводческое село Ловозеро, находящееся в самом сердце Лапландии (67°55' сев. шир. и 4°35' восточн. долг. от Пулкова), было маленьким заброшенным лопарским поселением, отличавшимся от других лопарских поселков только тем, что в нем была церковь и при церкви жил священник. Около церковного дома ютилось тогда 15 лопарских избушек. Теперь в селе 123 домохозяина, из коих 71 принадлежит к так называемым ижемцам. Этим „ижемцам“ село и обязано своим развитием.

Ижемцы пришли, правильнее начали приходить в село в девяностых годах прошлого столетия.

Вот об этих-то ижемцах-зырянах, об их приходе в Лапландию, о том, как текла, течет и потечет жизнь их в местах, прорезываемых северной частью Мурманской дороги, о том, что они дали и могут дать краю, я и хочу рассказать в настоящем очерке.

Ижемцы пришли, правильное начали приходить в село в девяностых годах прошлого столетия.

Вот об этих-то ижемцах-зырянах, об их приходе в Лапландию, о том, как текла, течет и потечет жизнь их в местах, прорезываемых северной частью Мурманской дороги, о том, что они дали и могут дать краю и я хочу рассказать в настоящем очерке.

Все известные мне этнографы относят так называемых ижемцев, живущих на Лапландском полуострове к зырянам. Сами же ижемцы считают себя чисто русскими выходцами из Ярославской губернии когда-то давно ушедшими оттуда за Урал. Это противоречие может быть объяснено довольно легко, ибо некоторые этнографы полагают, что в XVI веке зыряне доходили до Ярославской губернии. Во всяком случае, в настоящее время зыряне интересующего нас района настолько обрусели, что отличаются в бытовом укладе своем от жителей Средней России только теми особенностями, которые выработало в них оленеводство, составляющее основу их бюджета и тем, что зырянское

наречие сохранилось среди них на ряду с русским языком, которым они владеют все.

В конце семидесятых годов прошлого столетия мы застаем наших ижемцев еще в низовьях Оби, около Обдорска.

По словам старейшего из пришельцев, П. И. Рочева, первая группа переселенцев, в составе 4 чумов (хозяйств) с 5.800 оленей, посылала ходаков обследовать новые места еще в семидесятых годах и от них получила весьма благоприятные сведения о том, что олений корм (ягель) есть на всем пути следования.

В 1879 г., после большого падежа оленей, эта группа решила направиться на новые места, следуя вверх по течению Оби. Проведя лето в Большой Тундре и зиму в Колвице (Колва), около 1 марта 1880 года наши ижемцы попадают на Печору, оттуда через Мало-земельскую Тундру направляются на Канинский полуостров, доходя до самого Канина Носа.

На Канинском полуострове наша группа живет 8 лет, ведя торговлю оленьим мясом с городом Мезенью.

Около Мезени путешественников постигло несчастье они потеряли больше половины своих стад (из 5.800 голов оленей осталось меньше 2.000).

С Канинского полуострова через г. Мезень и реку Колой и Зимнюю Золотицу, ижемцы проходят в устье Двины, не доходя до Архангельска; отсюда, пройдя через реку Маймаксу и Онегу, попадают в Сорочку; из Сорок идут через Кемь, Кереть, по льду через Канда-лакшский залив на Порью губу в Кандалакшские и оттуда в Хибинские горы. Здесь наши странники останавливаются на один год и, наконец, отсюда попадают в Ловозеро, проведя на своем пути многие годы и сделав много тысяч верст, путешествуя со всем своим добром.

Богатое приволье оленьих кормов и наличие церкви заставило избрать Ловозеро постоянным местом жительства.

Русские оленеводы кочуют только летний период, зиму же живут оседло. Все принадлежности для кочевой жизни ижемцы привезли с собой, оседлого же жилья у них не было и первые годы наши пришельцы живут „на квартирах“.

Первые десять лет жизнь засельщиков была весьма трудна и трудна не теми невзгодами, которые обычны для новосела-переселенца, а теми препонами и затруднениями, которые ставила самовольным переселенцам администрация.

Несмотря на все невзгоды, претерпеваемые засельщиками, они хорошо обживаются на новых местах, устанавливая связь с местами выхода и к ним на приволье Лапландской тундры тянутся ижемцы с Оби и Печоры.

Большинство пришельцев приходит к новому месту жительства с весьма малым количеством оленей и начинает свою жизненную карьеру в качестве работников-пастухов у местных оленеводов.

Однако, работоспособность, честность и коммерческий талант новых пришельцев побеждают все препятствия, и они становятся вершителями судеб Лапландского оленеводства.

К началу европейской войны они ведут торговлю и с центром и с окраинами России и даже с заграницей.

В Ловозере устраивается завод для выработки из оленьих шкур замши.

По сильно преуменьшенным данным до Европейской войны, только Ловозерские ижемцы имеют около 40.000 голов оленей, при чем отдельные домохозяева имеют до трех и более тысяч голов.

Война и последовавшая за ней разруха очень подорвали благосостояние оленеводства и на 1 марта 1921 года по всему селенью Ловозеро насчитывалось всего около 13.000 оленей (29⁰/₁₀₀ прежнего количества), из коих на долю ижемцев приходится около 10—11 тыс. ¹).

За последнее время хозяйство оленеводов начинает восстанавливаться и если при распределении налогов будут учтены и особенности оленьего хозяйства и те потери, которые понесло оленеводство и которые в государственном интересе должны быть восполнены, то ижемскому оленеводству предстоит широкое будущее.

Для безлюдного Лапландского полуострова ижемцы представляют нарочитый интерес. Крепкое, сильное, живущее большими силовыми внутреннею дисциплиной семьями—население представляет наилучший элемент для освоения края.

Для развития оленеводского хозяйства ижемцы не требуют никакой правительственной помощи, что при ограниченности государственных средств является чрезвычайно важным.

Кроме того, для оленеводческого хозяйства могут быть использованы и те площади тундры, которые ни к какому другому использованию непригодны.

За последнее время приблизительно с 1914 г. тяготение ижемцев к Лапландии прекратилось.

В настоящее время есть основание думать, что если налоговое обложение оленеводов не будет задерживать и подрывать развитие оленьего хозяйства, то это тяготение опять возобновится.

Помимо Лапландского приволя в данном случае крупную роль может сыграть и постановление о размежевании Канинской тундры, по которому Архангельский Губисполком 22 декабря минувшего года предложил зырянам - оленеводам, находящимся в Канинской тундре, покинуть ее „предупреждая, что в случае неисполнения настоящего постановления, виновные будут привлечены к самой строгой ответственности вплоть до конфискации стад ¹⁾“.

Мне удалось беседовать по этому вопросу с проводившим дело о размежевания этнографом В. Я. Вецкактинным и по его сведениям возможно, что часть тех, которые обязаны покинуть Канинский полуостров, пойдут в Лапландию. Может быть, эта группа и будет первым отрядом в восстанавливающейся тяге оленеводов в Среднерусскую Лапландию.

Николай Раевский.